

Сумасшедший Назимов

Александр Кибовский

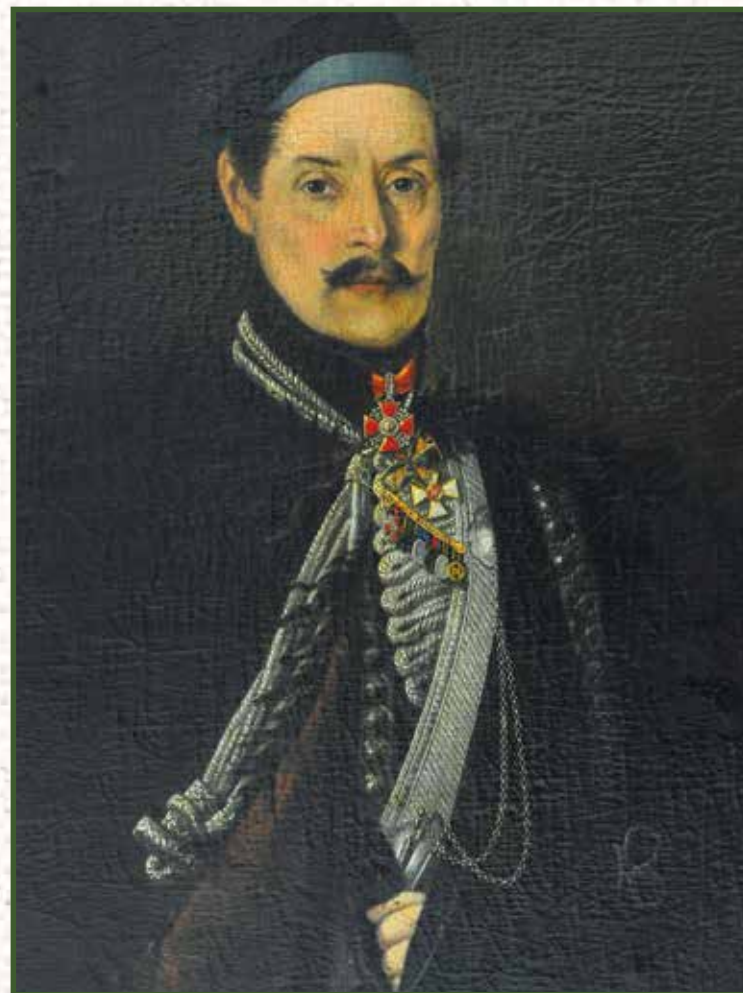
В предыдущем номере журнала мы начали разговор о том, как помогают при атрибуции портретов боевые ранения персонажей. Рука на перевязи или даже её отсутствие позволяют в сочетании с униформой и наградами безошибочно установить имя героя, пролившего кровь за Отечество. Сегодня наш рассказ сразу о трёх произведениях, которым удалось вернуть правильные имена лишь спустя много лет.

В Азербайджанском национальном музее искусств хранится портрет гусара кисти замечательного художника Николая Дмитриевича Мыльникова. Талантливый живописец из семьи ярославских художников-ремесленников, он сформировался к середине 1820-х годов в стенах Академии художеств и сохранил в своих картинах ту искренность, которая под влиянием салонных нравов

практически не встречается у столичных знаменитостей. Их лощёная деградация в эпоху Николая I хорошо описана в знаменитой повести Гоголя «Портрет».

Мыльников по праву считается классиком провинциального портрета. Он запечатлел целые династии ярославских, московских, серпуховских, ивановских купцов, а также изредка местных дворян. В череде их образов яркое

исключение представляет портрет бравого гусара. Перед нами лихой усач с левой рукой на чёрной перевязи. Очевидно, он был ранен во время славных битв с армией Наполеона, о чём говорят боевые награды. На шее гусара орден Святой Анны 2-й степени с алмазами, под которым виден прусский военный крест Pour le Mérite. Ниже белеет самый почётный военный орден Святого Георгия 4-й степени. На шнурах

▼ Ветеран Гродненского гусарского полка Евгений Петрович Назимов. Николай Мыльников, Ярославль, ноябрь 1836 года. Азербайджанский национальный музей искусств. Ранее: портрет Ивана Свидерского

ментика приколоты неуставная пряжка в виде золотой сабли с надписью «За храбрость». К ней привешены миниатюрные знаки ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом, саксонского знака отличия Зелёного креста 1814 года, серебряной медали и бронзовой дворянской в память Отечественной войны 1812 года, медали «За взятие Парижа 19 марта 1814». Замыкает ряд знак отличия за 10 лет беспорочной службы. Знак этот самодельный, поскольку официально такие пряжки вручались лишь после 15 лет выслуги.

На голове гусара, вопреки уставу, солдатская фуражка-бескозырка вроде модного берета. Её голубой околыш наводит на размышления. Портрет имеет авторскую подпись и дату — ноябрь 1836 года. Между тем ещё за 10 лет до этого Николай I велел шить околыши на гусарских фуражках жёлтые или белые — по цвету шнуров и пуговиц. То есть в нашем случае околыш должен быть белым. Раньше же, при Александре I, такие фуражки носил Гродненский гусарский полк. Очевидно, перед нами ветеран-гродненец, который для портрета надел свою старую фуражку.

Боевых ранений и контузий Свидерский не получал

В 1989 году портрет гусара показали в Москве на персональной выставке Мыльникова. В каталоге, подготовленном под руководством знаменитого реставратора и искусствоведа Саввы Ямщикова, отмечалось, что данную картину «бесспорно следует отнести к творческим удачам художника». Конечно, всем хотелось узнать имя бравого гусара. На помощь организаторам выставки пришёл популярный тогда специалист Александр Горшман. Он убедил их, что на портрете изображён полковник Иван Иванович Свидерский. Якобы с 1833 года он служил в Хопёрском казачьем полку на Кавказе, в 1834 году

участвовал в экспедиции против горцев к аулу Гимры, за которую получил Георгиевский крест, был ранен пулей в левую руку навывлет и контужен в голову, в связи с чем 20 мая 1836 года отправился в отпуск для лечения, во время которого и позировал Мыльникову.

По сей день эта атрибуция широко распространена. Между тем всё это лишь очередная мистификация Горшмана, о чём мы уже не раз писали в «Дилетанте». Согласно документам Российского государственного военно-исторического архива, настоящий Иван Свидерский не имел ничего общего с тем, что про него навывдумывал Горшман. Ни в каких экспедициях против горцев он не участвовал, а в 1836 году мирно командовал под Петербургом 2-м дивизионом лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Боевых ранений

и контузий Свидерский не получал, а на Кавказе впервые оказался в 1840 году, куда ездил лечиться минеральными водами. В гусары полковник попал только в 1839 году, а «Анну на шею» ему вручили и вовсе лишь в 1851-м, через 15 лет после написания портрета. В общем, абсолютная фантазия.

В 2003 году в одной частной коллекции обнаружился ещё один портрет кисти Мыльникова, на котором изображён тот же самый офицер. Картина датирована тоже ноябрём 1836 года, но ветеран изображён не в гусарской форме, а в сюртуке полковника, состоящего по лёгкой кавалерии. Лишь в 2013 году после разоблачения ряда мистификаций Горшмана мне удалось вернуть обоим портретам настоящее имя персонажа — им оказался ярославский полицмейстер Евгений Петрович Назимов.

▲ Ярославский полицмейстер Евгений Петрович Назимов. Николай Мыльников, Ярославль, ноябрь 1836 года. Собрание Андрея Руденцова, Москва. Ранее: портрет Ивана Свидерского

Назимов был коренным гусаром, подобным толстовскому Денисову из «Войны и мира», сохранившим на всю жизнь верность лихим привычкам и традициям. Родился он 27 августа 1785 года в Пскове и с 17 лет начал службу в кавалерии. При Аустерлице Назимов участвовал в знаменитой атаке конной гвардии, захватившей французское знамя. С 1808 по 1818 год служил в Гродненском гусарском полку, вместе с Кульневым воевал против шведов в Финляндии, а во время Отечественной войны 1812 года был с ним в сражении при Клястицах, в котором прославленный генерал погиб.

Евгений Петрович Назимов.

По фотографии Паран.

▲ Фото 1860-х годов

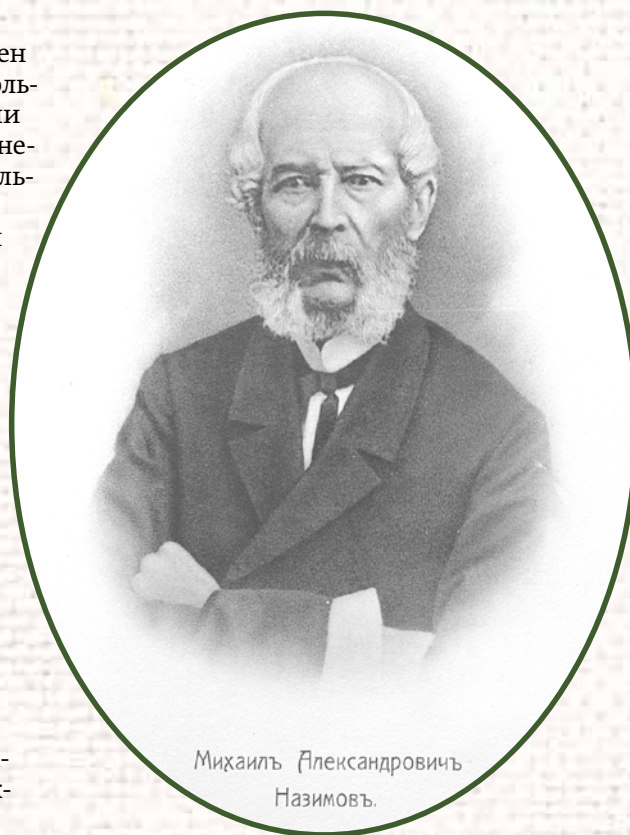
«Псковские старожилы живо помнят оригинальную фигуру Евгения Петровича Назимова, коренастого старика, разгуливавшего по городу зимой и летом в одном и том же гусарском ментике безо всякой верхней одежды, несмотря ни на какие трескучие морозы. В отличие от других Назимовых его называли «сумасшедшим Назимовым»... Это был один из последних и при том наиболее цельных представителей эпохи давно минувшей, доживавшей свои дни среди чужих ему поколений... Герой Наполеоновских войн, заметный даже и в ту героическую эпоху; человек, рождённый для боевого поля, лихих набегов, кровавых схваток и удалых подвигов; гусар Бурцовских времён, живший воспоминаниями шумного и блестящего прошлого, — он должен был чувствовать себя в мирной глуши маленького городка как орёл в клетке. Старый израненный ветеран, побывавший в 60 сражениях и 98 авангардных и аванпостных стычках,

*Покрытый славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года,*

смотрел с презрением на окружающих его разночинцев и местных дворян, никогда не нюхавших пороха. С ним повторилось то же, что бывало со многими воинами по призванию, попавшими в несвойственную им мирную обстановку: он весь отдался чудачествам и самодурству... Большинство его чудачеств сводилось, кажется, к тому,

что он, по природе человек страстный, шумливый и буйственный, громко, во всеуслышание выражал свои мнения о псковских обывателях, не стесняясь никакими чинами и положениями. С губернатором Муравьёвым он был, что называется, на ножах, писал ему дерзкие письма, при встречах демонстративно поворачивался к нему спиной. Иногда в ответ на чей-нибудь почтительный поклон вынимал кошель и, высоко потрясая им в воздухе, кричал на всю улицу: "Не мне кланяешься — кошельку моему кланяешься!" В Кутузовский сад во время гулянья он въезжал верхом на лошади и производил среди публики переполох. Никакой полиции он не признавал, и последняя чувствовала себя перед ним бессильной. Ежедневно в его саду на Великолуцкой улице раздавались пистолетные выстрелы: то Назимов стрелял в цель. Утверждают, что иногда он занимался этим и прямо на улице. Им пугали детей, которые действительно трепетали при виде Назимова и стремительно разбегались по всем щелям. Однако ж, если Назимову удавалось заманить к себе каким-нибудь способом малыша, то последний на всю жизнь сохранял доброе воспоминание об этом страшном с виду старике. И действительно, Назимов, по словам его близких, был в сущности добрым человеком, а хлебосольство его было беспредельно».

Секретарь Псковского археологического общества
Николай Окулич-Казарин, 1912 год

Михаиль Александрович
Назимовъ.

полицмейстером в Ярославле, где и позировал местному художнику Николаю Мыльникову. Причём форму полковника для портрета Назимов надел самовольно, поскольку

в то время он уже не был военным, а имел гражданский чин коллежского советника. В конце концов, в 1845 году он добился у Николая I разрешения называться полковником и носить в отставке военный мундир.

В марте 1855 года 69-летний ветеран стал проситься на бастионы Севастополя. Александр II поблагодарил старика, но, к его негодованию, ехать на войну не разрешил. В 1868 году, накануне смерти, Назимов записал: «Теперь же одно

▼ Отставной полковник Евгений Петрович Назимов.
Рисунок Александра Кислинского, Псков, 1860-е годы
Собрание Андрея Руденцова, Москва
Ранее: портрет декабриста Михаила Назимова

Икона, которой Евгений Назимов благословил своего сына Андрея и его невесту Наталью в день свадьбы 15 сентября 1856 года. Икона выставлялась в 2012 году на торгах киевского аукционного дома «Клейнод». Назимов имел двух сыновей-офицеров Александра и Андрея. Кроме того, 26 марта 1857 года у 71-летнего вдовца от дворовой девки Стефаниды Филатовой родилась внебрачная любимая дочь Анна. В честь отца она в 1876 году назвала своего сына. Видный ботаник Евгений Иванович Исполатов умер 1 января 1942 года от голода в блокадном Ленинграде. Его сын Иван, правнук героя 1812 года, погиб на фронте 12 апреля 1942 года.

удовольствие: с величайшей приятностью вспомнить иногда дружескую и откровенную гусарскую жизнь, которая вовсе не существует в том кругу, в котором я теперь пресмыкаюсь... Ожидаю смерти, не жалея и не страшась её. Вся жизнь моя была плохая мелодрама с великолепным спектаклем, в котором я играл роли: героев, любовников... Жизнь моя была диковинная и бурная, причём явно Создатель от разных смертей меня охранял и охраняет».

Декабрист никогда не служил в гусарах

Снова о Назимове я вспомнил в 2019 году, когда у антикваров появился рисунок старика в гусарской венгерке, украшенной орденами и медалями, с саблей, волочащейся по земле. Автор рисунка, художник-любитель Александр Михайлович Кислинский, служил в 1860–1870-х годах чиновником в Пскове. В верхнем углу листа имеется поздняя карандашная надпись «Декабрист Назимов», сделанная, судя по орфографии, уже в советское время.

Действительно, декабрист Михаил Александрович Назимов после

ссылки в Сибирь, а затем боевой службы на Кавказе получил возможность в 1846 году вернуться на родную псковскую землю и поселился в имении Быстрецово. После снятия надзора в 1853 году он принял активное участие в Крестьянской реформе и в 1865 году стал первым председателем Псковской губернской земской управы. Однако декабрист никогда не служил в гусарах, боевых орденов не имел, да и вообще не был склонен к мирной марсомании — на всех фотографиях отставной поручик только во фраке.

Как вы уже, наверное, догадались, на рисунке изображён не декабрист, а его двоюродный брат — всё тот же Евгений Петрович Назимов, который и в старости бравировал лихим гусарским видом. Сегодня рисунок и портрет кисти Мыльникова соединились в Москве в коллекции Андрея Руденцова. ▼

Автор — руководитель
департамента культуры города Москвы,
кандидат исторических наук